

Irina I. Korotkevich

(Minsk, Republic of Belarus, Belarusian State University)

The Dictionary of the Belarusian Dialect by I. I. Nosovich in the Context of Slavic Romanticism

Abstract: In compiling his Dictionary, I. I. Nosovich aspired to differentiate the Belarusian language from other languages and at the same time to position it in the Slavic context. His intention was inspired by general trends and reflected cultural-historical and social concerns of his time.

Keywords: national lexicography, Slavic romanticism, ethnic consciousness.

Ирина И. Короткевич

(Минск, Республика Беларусь, Белорусский государственный университет)

„Словарь белорусского наречия“ И. И. Носовича в контексте славянского романтизма

Уроженец Могилёвской губернии Иван Иванович Носович (Іван Іванавіч Насовіч, 1788-1877) известен в белоруской науке как фольклорист, этнограф, а также составитель первого белоруского словаря общенационального масштаба – *Словаря белоруского наречия* (Санкт-Петербург 1870). Цель статьи – описание нациообразующих компонентов словаря И. И. Носовича в культурно-историческом контексте.

Считаем необходимым актуализировать нациообразующий характер словаря И. И. Носовича, поскольку он включает в свой реестровый материал как раз такие лексические единицы, которые указывают на психологическое и культурное единство носителей языка на разных этапах исторического развития нации (т.е. на устойчивые связи и отношения людей внутри социальной группы, что выражает их этничность) – пословицы, поговорки, этностереотипы, сведения об обычаях и обрядах.

При этом необходимо учитывать, что этничность не является стабильной и неизменной единицей:

„в разные исторические эпохи, у разных народов и в разных регионах этничность имела различные формы проявления, испытывала на себе воздействие изоляционистских, интеграционных и иных тенденций“ (Мыльников 1999: 110).

Влияние этих тенденций также можно считать этноконсолидирующим фактором наравне с другими условиями становления этноса, а именно психологическим и культурным единством – устойчивыми связями и отношениями людей внутри социальной группы, которые составляют национальное самосознание народа.

Ирина И. Короткевич

Поэтому необходимо указать на тот общеевропейский социально-исторический контекст, в рамках которого создавался словарь, как и вообще работы такого уровня и значения. Вторая половина XVIII и начало XIX вв. – это эпоха Просвещения в Южной и Восточной Европе (во Франции, Англии и Западной Европе в целом – это середина и вторая половина XVIII в.) (Эпоха Просвещения 2003: 3). Для этой эпохи характерны следующие социальные тенденции: идеалистические представления о роли сознания в развитии общества, желание объяснить общественные недостатки необразованностью людей, стремление к переустройству общества, политики, нравов, быта путём распространения научного знания, идей доброты и справедливости, что приводило к созданию единых систем образования, распространению науки и искусства (Эпоха Просвещения 2003: 3-4).

Вторая половина XIX – начало XX вв. хронологически ещё относятся к Просвещению, однако именно тогда возникают концепции И. Гердера и В. фон Гумбольдта, которые часто квалифицируются как романтизм, поскольку оба философа стали говорить о „духе” отдельных народов. Сфера языка и речи выдвинулась на приоритетные позиции среди гуманитарных исследований того времени, и В. фон Гумбольдт предложил идею о том, что язык играет значительно бóльшую роль, чем просто система знаков для механической передачи информации. Языки национальны и отличны друг от друга, поэтому нужно говорить о неповторимой специфике национальных характеров, которые выражаются в истории и продуктах духовной жизни (Перлов 2007: 59).

Волна славянского романтизма приблизилась и к восточным славянским народам. Особенно это проявилось в 1840-х гг. и в конце 1860-х гг. при подготовке к I славянскому съезду в России, когда возродилась идея общеславянского языка, под которым понималась, кроме старой книжной речи, и современная речь, то общее, что свойственно многим живым славянским языкам, что пронёс каждый славянский язык через средневековье.

Вообще на протяжении этого периода взаимоотношения славистов развивались в сложной политической обстановке. К примеру, в российских общественных кругах возникли полонофобные настроения, связанные с повстанческими событиями 1830-х гг., а вот южные и западные славянские народы, наоборот, надеялись на поддержку России в их борьбе против Турции и Австро-Венгрии.

Таким образом, славистические связи являлись не только формой научных контактов, но и формой содействия национально-освободительному движению 60-х гг. XIX в.

Петербургская Академия наук и вообще российские слависты поддержали шаги славянских учёных. Примером такого, говоря современным языком, этнического дискурса, популярного в те годы, можно считать высказывание И. И. Срезневского (1842 г.):

„Мы, кто бы мы ни были, русские или поляки, мы должны любить и уважать других славян, как наших братьев. Мы должны любить славянство во всём его объёме, потому что мы славяне; без этого мы не можем иметь истинной любви, истинного уважения к самим себе; это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату” (Богатова 2000: 143).

В первой половине XIX в. обострённые национальные чувства в южнославянских землях вызвали подлинный взрыв общественного интереса к фольклору. Особенностью

отношения к фольклору славянских деятелей было и то, что они имели в поле зрения не только отечественный, но и весь славянский фольклор. Это было связано с широким распространением в то время идеи славянской взаимности. В консервативной среде фольклор воспринимался и использовался как свидетельство феодальной старины, подтверждение её незыблемости, как материал для мистических воззрений. С формированием национальных культур изменился характер взаимодействия профессионального творчества и фольклора. Связи между ними не только расширились, но обращение деятелей культуры к народному творчеству стало осознанным и целенаправленным.

Интерес учёных к национальной культуре, „связанный вначале с идеями романтизма и углубленный вместе с развитием этнографии, диалектологии и фольклора и других смежных наук” (Плотникова 2000: 10), обусловил этнолингвистическое содержание целого ряда словарей общенационального масштаба. Каждый из этих словарей отражал картины материального быта и духовной культуры своего народа, однако следует учитывать и отличия в этих трудах, обусловленные „философией и стилем эпохи, в которой происходил процесс создания нации, спецификой социальной структуры общества этой нации, своеобразием системы образования на разных этапах исторического развития” (Германова 2000: 26), иначе говоря, особенностями историко-культурного процесса в стране.

Говоря об этническом дискурсе применительно к Беларуси, то следует напомнить, что после разделов Речи Посполитой белорусские земли, вместе с польскими и украинскими, оказались в Российской империи. Так русские и белорусы были искусственно объединены в одном государстве, и белорусские земли автоматически подпали под пропагандированное изучение славянства. Хотелось бы, однако, отметить некоторую односторонность и неполноту изучения белорусских земель российскими учёными. Даже работа в т. н. „западнорусском крае” экспедиции 1860-х гг. Географического Общества, которая должна была описать „племенные и бытовые различия народностей западного края, их численные отношения, распределение по вероисповеданиям и степеням культуры, наконец, хозяйственный быт и степень материального благосостояния” (Пыпин 2005: 213), также не способствовала окончательному утверждению самостоятельности белорусского языка и вообще белорусской культуры:

„Деятели 1860-х годов в западном крае так много говорили об „объединении”, „обрусении” и т.п., так усердно настаивали на удалении всего местного, напоминавшего польское” влияние, так усердно считали польским всё, что не было похоже на московское, что местная жизнь стала прятаться в скорлупу, и учёным исследователям (особенно прежде чуждым краю) с трудом приходилось бы отыскивать её проявления, вместо того, чтобы видеть её тотчас воочию без канцелярских ширм” (Пыпин 2005: 215).

Более того, отношение официальной России к населению белорусских земель было проникнуто уверенностью в их индифферентности и неразвитости. По словам виленского генерал-губернатора В. И. Назимова,

„...если русское (т. е. преимущественно белорусское) население в Западных губерниях нельзя ещё назвать отжившим свой век, то не ошибёмся, когда скажем, что в нём жизненная сила ещё не пробудилась, скажем более – чувства народной самобытности находятся в таком безотрадном летаргическом усыплении, что вслед за наступающим пробуждением он [народ] с равною готовностью последует как за

русско-православною, так и за польско-католическою пропагандою” (Долбилов 2005: 139).

В указанном аспекте может быть рассмотрен *Словарь белорусского наречия* И. И. Носовича. Важным является не только лексический материал этого источника, но и хронология его выхода. В частности, как в первой, так и во второй половине XIX в., во взглядах на белорусский язык не было единства: некоторые исследователи (Б. Линде, М. Максимович) считали его самостоятельным славянским языком, другие (И. Срезневский, А. Соболевский) рассматривали его в качестве диалекта либо русского, либо польского языков. Несмотря на это, проведённое этнографическое исследование Беларуси выявило богатое древнее письменное наследие белорусского народа, которое нуждалось в анализе и лексикографической систематизации.

Словарь И. И. Носовича, запланированный Императорской Академией наук в качестве второй части „Опыта словаря областных наречий”, был издан в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд. И. Носовичу было поручено составить словарь, который систематизировал бы лексику живого народного говора и был бы одновременно источником для лингвистических исследований белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности „въ виду осознанной необходимости иметь подъ руками словарь этого наречія (беларуского языка – И.К.), между прочимъ и для пониманія важныхъ и любопытных историческихъ актовъ, на немъ писанныхъ” (Насовіч 1983, вступительное слово К. Веселовского).

Основными источниками для словаря были собственные записи И. И. Носовича, а также материалы из им же ранее составленного „Алфавитного указателя старинных белорусских слов“. Кроме того, многие слова были из старобелорусских письменных источников и немногочисленных на то время фольклорных и этнографических изданий. Однако в результате работы над лексикой т. н. „наречия“ И. И. Носович достиг значительно большей цели: собранный словесный материал зафиксировал не просто „наречие”, а самостоятельный язык, способный продуцировать единицы, пригодные для разных коммуникативных задач.

Словарь белорусского наречия положил начало нормализации (кодификации) словарного состава белорусского литературного языка и является первым белорусским национальным словарём. Это было самое полное на то время собрание лексики и фразеологии живого белорусского языка, которое охватило более 30 тысяч слов белорусской речи XIX в. В своём словаре И. Носович в качестве реестровых единиц и компонентов иллюстрационного материала поместил слова и словосочетания – выразители мифологических взглядов и этнографической характеристики белорусского народа. Отличие белорусского языка подчёркивалась не только историческим и краеведческим комментарием, который придал словарю определённую историко-культурную ценность, но и собственно лингвистическим анализом многих реестровых единиц, согласно которому лексемы либо проявились отличными в сравнении с другими языками, либо приобрели белорусскую фонетическую или грамматическую специфику при заимствовании.

В предисловии к словарю И. И. Носовича указаны следующие источники лексического материала:

а. памятники устной народной словесности: песни, пословицы, поговорки, сказки и др.;

б. сборники слов, собранные им во время поездок по Могилёвской, Минской и Гродненской губерниях и по некоторым окраинам губерний Привисленского региона, пограничных с вышеназванными губерниями;

в. алфавитный показатель старинных белорусских слов из Актов Западной России, который Носович составил по поручению Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук;

г. опыт областного словаря великорусского наречия, куда вошло несколько небольших сборников слов белорусского наречия;

д. немногочисленные материалы белорусской словесности, напечатанные в „Известиях Императорской Академии Наук“ по отделению русского языка и словесности, в „Трудах Московского общества любителей словесности“, в „Этнографическом сборнике Императорского Русского географического общества“, в сборниках белорусских фольклористов и этнографов Я. Чечота и Р. Зенкевича (Насович 1983, предисловие).

В словаре И. Носовича есть ряд характеристик, которые делают его многоаспектным, высоконаучным трудом: наличие дефиниций, толкование реестровых белорусских слов с помощью русских синонимических пар и рядов, стилистические пометы при отдельных реестровых словах. Кроме того, в словаре помещены:

- обозначения географического ареала распространения лексем: Брестский, Пинский, Пружанский уезды, Виленская, Гродненская, Минская, Могилёвская губернии;
- этимологические характеристики слов, как их понимал сам И.И. Носович: беларускае, грэчаскае, старажытнае славянскае, жыдоўскае, жыдоўска-нямецкае, лацінскае, літоўскае, польскае;
- общие характеристики происхождения слов: дзіцячае слова, запазычана, известного значения, абласное слова, от древнего слова, собственное от крещения, старинное слово, философическое слово, царкоўнае слова, юрыдычнае слова;
- стилистические характеристики слов: бранное, ироническое, ласкательное, негодование, ругательное слово, смягчительное слово, увеличительное слово, укорительное слово, уменьшительное слово, уничижительное слово;
- фольклорные характеристики источников: валачобнай песні, духоўнай песні, калыханкі, хрэсьбінай песні, прыказка, прымаўка, рэкруцкай песні, вясельнай песні;
- характеристики особого употребления слов: в нравственном отношении, желательно, от мало употребительного, неупотребительного слова, употребляемое в среднем классе народа.

Такая разветвлённая система авторских помет, внимание И. И. Носовича к стилистической дифференциации слов свидетельствуют о зарождении белорусской лексикографической традиции в современном её понимании и о научном, филологическом анализе общеупотребительной лексики. Это даёт основания утверждать, что *Словарь белорусского наречия* положил начало нормализации (кодификации) словарного состава белорусского литературного языка и является первым белорусским национальным словарём.

Ориентация на диалектный материал, интерес самого автора к фольклору и этнографии белорусов отразились на объяснительном и иллюстративном аппаратах

словаря. Значения слов и словосочетаний раскрываются авторскими толкованиями, достаточно подробными иллюстрациями в виде паремий, загадок, строк из народных песен, цитатами из общеупотребительной, а также диалектной (восточнобеларуского региона, который сам автор считал наиболее „чистым” в этногенетическом плане) речи:

китка – Вязка сена отъ 5 до 10 фунт., нарочито употребляемая для продажи (Въ Минской, Гродн. и Виленск. губерніяхъ;

пеколокъ 1. (Въ Могилевской и Витебской губерніяхъ). Печурка, куда загребають жарь изъ печи. 2. (Въ Минской и Гродненской губерніяхъ). Очажекъ;

рея (Лит. Reie). Рига, овинь (употребляется въ Гродн. и Минск. губ.; въ прочихъ же Белорусскихъ губ. Евна).

Тем самым словарь отразил фольклорно-диалектную основу беларуского литературного языка. Толкование лексического значения слов с добавлением лингвистических, исторических, этнографических сведений и лингвострановедческого комментария происходило разными способами:

1. указанием на субъекта (говорящего), который наиболее часто употребляет слова, по его происхождению либо социальному или бытовому статусу:

апробація – одобрение, утверждение. (Слово употребляемое среднимъ и высшимъ классомъ народа);

ассекурація – (слово, употребляемое шляхтами и Польскими помещиками въ разговоре объ интересахъ имения или капитала.) 1. Поручительство за кого либо. 2. Обезпечение имения;

ачкурникъ – (слово бранное на крестьянъ). Мужик. Лапотникъ;

2. определением (не всегда точно) этимологии слова с указанием на язык-донор:

гербата – *Herba thea*. Чай;

люстро – заимствовано из Польскаго. Зеркало;

могоричь (Лит. *Magariczy* – попойка после торга). 1. Барышь. 2. Угощение, попойка при мене, продаже или какихъ либо другихъ сделкахъ;

обецоваць – (Слав. *Обетовати*). Обещать;

вантура – (отъ фр. *Aventure*). 1. Происшествіе. 2. во множ. Шутки, штуки, ухватки;

цалёвка – (отъ Нем. *Zoll* – дюймъ). Дюймовая въ толщину тесница, употребляемая для обшивки деревяннаго строения;

герцаць – (заимствовано отъ Евреевъ, говорящихъ по немецки). Мотать, плутовать;

3. указанием на ареал распространения слова:

дзубня – (въ Виленской, Ковенской и Гродненской губерн.) 1. Палка вязовая, березовая или дубовая, съ острымъ железнымъ концемъ. 2. Неповоротливая девка и упрямая лошадь;

нудосный – (въ Гродненской и Минской губерніяхъ). 1. Грустный. 2. Досадный, досадительный, наводящийъ тоску; нудотный – (въ Могил. и Витеб. губ.) Тоже, что Нудосный въ обоихъ знач.;

4. этнолингвистическим и страноведческим анализом языковой единицы:

сакрамэнт – Тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа. Слово заимствованное отъ Поляковъ и употребляемое только въ бывшихъ уніатскихъ приходахъ.

Помещая в своём словаре наименования-этнографизмы, И. И. Носович не только семантизирует их, но и даёт исторические сведения об их происхождении, косвенно подтверждая этническую давность и аутентичность „техъ местностей, которыя некогда населяло Кривичское племя” (Насовіч 1983, предисловие):

куница – 1. Платежъ помещику за девицу, выдаваему въ замужество, а особенно въ чужое имене. Въ древности куницы, или куньи шкурки употреблялись вместо денегъ. 2. Кандалы. Въ старину при каждой церкви находилась прикованная къ стене, близъ входа, железная цепь съ таковымъ же наручникомъ, или наножиномъ, или ошейникомъ, называвшаяся куницею, которую надевали на явныхъ грешниковъ, присужденныхъ къ публичному покаянію. Даже въ начале XIX столетія, видны были еще въ древнихъ Белорусскихъ православныхъ церквахъ такъ называемыя куницы, наводившія страхъ на простолюдиновъ. Ныне нигде нетъ куницъ; но слово это еще живетъ въ говоре простолюдиновъ, как историческое.

Мифологические представления белорусов в словаре нашли отражение, в частности, в реестровых единицах – наименованиях мифических существ, персонажей из народных сказок и суеверий: *вовколак, доброхот, домовик, клетник* и др. Характерно, что при семантизации таких слов И. Носович ссылается на „суеверіе простолюдиновъ”, но при этом защищает их, уточняя иллюстрационные сведения согласно свойственным ему самому убеждениям:

Купала – Такъ называютъ Белорускіе простолюдины святого Іоанна Крестителя, котораго память празднуется 24 Іюня. Вместо Іоаннъ Креститель, они говорятъ Іванъ Купала, на Івана Купалу, предъ Іваномъ Купалою, следовательно существованіе, по мненію Славянскихъ мифологовъ, какого-то древняго, баснословнаго божества Купалы, которому будто поклонялись древніе Славяне, есть очевидная выдумка. <...> Въ Белорусскихъ песняхъ, приноврвленныхъ къ этому гуляню протонародной молодежи, нетъ ни малейшаго намека о боготвореніи небывалаго божества Купалы. Въ одной же изъ песенъ Белорусскихъ, изданныхъ въ 1855 г. Яномъ Чечетомъ, въ Вильне, латинскимъ шрифтомъ, слова: „Самъ Богъ купався”, ясно указываютъ, что по мненію самихъ простолюдиновъ Іван Купала есть Іоаннъ Креститель.

Также Словарь зафиксировал и такую непривычную в то время для носителя белорусского наречия категорию, как национальное самосознание. Правда, следует заметить, что эта категория не выражается эксплицитно, а выявляется через фиксацию инонациональных этнонимических названий:

ляхъ – поляк; **литвинъ** – литовець;
жидъ – еврей; **хохлачъ** – малороссіянинъ.

Некоторые этнонимы в словаре И. Носовича содержат в себе указания как на национальную, так и на конфессиональную принадлежность их носителей:

басурманецъ, басурманинь – 1. Не исповедающий христіанской веры, Турокъ. 2. Употребляющий скоромную пищу въ постные дни.

Поскольку словарь И. И. Носовича отражал господство православной религии (общепринятое и поддерживаемое на высочайшем уровне в то время), очевидно, что верующие нехристианских конфессий не пользовались должным уважением, как видно из иллюстраций к словарным статьям:

Басурманка - 1. Магометанка или Татарка. 2. Нарушительница поста и не имеющая уважения къ какой либо святыне.

В этом плане неоднозначными являются в Словаре наименования евреев: некоторые из них имеют отрицательные коннотации (**иродъ** – 1. Врагъ, безбожный человекъ. 2. Скупецъ, скряга. 3. Неверный, Еврей; **юда** – 1. имя от крещения Юда. 2. Еврей, жидъ), а некоторые – положительные: **законъ** – 1. Еврейская вера. 2. Еврей, говорится съ некоторым уваженіемъ; **старозаконникъ** – Еврей, говорится изъ вежливости. Очевидно, длительное совместное проживание белорусов с представителями иных национальностей помогло им преодолеть конфессиональную ограниченность и, наоборот, выработать межэтническую толерантность.

Не все, предложенные И. Носовичем лексемы, совпадающие с современными литературными названиями национальностей, являются этнонимами. Например:

Слово **мордва** имеет значение: 1. Шумное сборище, особенно Евреевъ. 2. Безпокойные люди. 3. Шалуны и крикуны ребятишки. 4. Назойливый.

Слово **Украина** обозначает не современное название Малороссии, а *страна, лежащая на пределахъ, при границе или за пределами отечества или области*.

Слово **Москва** вообще является полисемичным, и его лексико-семантические варианты имеют следующие значения, обобщённые семой 'принадлежность к русской нации': 1. Русскій солдатъ. 2. Русскій плотникъ и множ. плотники. 3. Русскій, разъезжающій по торговымъ или другимъ промысламъ. 4. въ женск. роде собир. Солдаты. 5. Москвитянинъ, Великороссіанинъ.

Относительно же самоназвания **Беларусь**, то в Словаре зафиксирована только одна (!) реестровая единица – *беленькая Русь*, – проиллюстрированная примером из народной песни:

беленькая Русь – Беларусь, употр. только изредка въ песняхъ. *Налецели гуси // Да съ беленькой Руси, // Сели пали на кринице, // Стали ены воду пици.* Да ещё можно добавить упоминание о кривичах в реестровом слове **кроў**, приведённом в приложении к Словарю: **кровь** – 1. Кровь (это слово въ Белорусскомъ наречіи въ родит., дат. и предл. надежахъ ед. ч. имеетъ криви. <...> Древнее названіе Славянскаго племени Кривичи, по Польски Krewiczu, по Немецки отъ Польскаго же Krewings, можетъ быть произведено отъ криви, и въ такомъ случае можетъ значить: кровные, единокровные, соплеменные). 2. Племя, корень племени.

К сожалению, среди всего разнообразия названий племён и народностей Российской империи белорусы с трудом определяли себя как нацию, как самобытное славянское племя с неповторимым историческим путём и уникальной культурой. И тем более значительным представляется труд И. И. Носовича, который можно назвать настоящим научным и гражданским подвигом.

Словарь И. И. Носовича был начат как „Опыт словаря областных наречий“ (курсив наш – И.К.), но в процессе составления превратился в *Словарь БЕЛАРУСКОГО наречія*.

И. И. Носович, поместив названия мифологических и этнографических реалий в словаре, который издавался как строго научный труд, таким образом „узаконил“ фольклорную и духовную аутентичность белорусов среди народностей Российской империи.

Фольклорная основа реестра, стремление показать этническую самобытность нации, заинтересованность составителя национальной культурой, связанная вначале с романтическими тенденциями, углубляется вместе с развитием этнографии,

диалектологии и других пограничных наук, что и вызвало этнолингвистическое содержание работы. Стремление И. И. Носовича выделить свой язык из числа других языков, включить его в общеславянский контекст и одновременно – напевшая необходимость выделиться из границ „западнорусизма“ было вызвано общей просветительно-романтической волной изучения духовного наследия народа и исторической тенденцией к консолидации нации.

ЛИТЕРАТУРА

- Германова 2000: *Германова, Н. Н.* Кодификация языковых норм: национально-культурные особенности (постановка проблемы) В: Ежегодные международные чтения памяти кн. Н. С. Трубецкого – 2000 (17-18 апреля 2000 г.). Под ред. В. Н. Базылева и В. П. Нерознака. Москва: МГЛУ, 25-26.
- Долбилов 2005: *Долбилов, М.* Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае Империи в 1860-е гг. В: Образ врага. Сост. Л. Гудков, ред. Н. Конрадова. Москва: ОГИ, 127-174.
- Мыльников 1999: *Мыльников, А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI - начала XVIII века [Петербургское востоковедение]. Санкт Петербург, 400 с.
- Насовіч 1983: *Насовіч, І. І.* Слоўнік беларускай мовы. Мінск: Бел. сав. энцыкл., 792 с.
- Богатова 2000: Богатова, Г. А. ред. Отечественные лексикографы XVIII-XX вв. [Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова]. Москва: Наука, 508 с.
- Перлов 2007: *Перлов, А. М.* История науки: введение в методологию гуманитарного знания. Москва: РГГУ, 308 с.
- Плотникова 2000: *Плотникова, А. А.* Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. Москва: Изд. Института славяноведения РАН, 208 с.
- Пыпин 2005: *Пыпин, А. Н.* История русской этнографии. Т. 4.: Беларуссия и Сибирь. Минск: БелЭн, 256 с.
- Эпоха Просвещения 2003: Эпоха Просвещения в Беларуссии. Методические указания для самостоятельной подготовки студентов по истории культуры Беларуси. Могилёв: УО МГТУ, 42 с.